

— Ты кто такой?

Едва Сатору Годжо пришёл в себя, как до его слуха донёлся незнакомый детский голосок. Судя по чистым, ещё совсем детским интонациям, незнакомцу было примерно столько же лет, сколько Дамиану.

Сатору лениво приоткрыл глаза, стряхивая остатки забытья.

Нахлынувший обморок, впрочем, не был чем-то плохим.

Перед тем как оказаться здесь, неведомая сила швыряла его сквозь эпохи и пространства. Средневековый Лондон, Америка времен Гражданской войны... В какое-то мгновение он даже очутился перед Брюсом Уэйном. Вот только тот Брюс был совсем другим.

Тот Уэйн мало походил на привычного ему Брюса. Черты лица те же, но сам мужчина казался суровее, крупнее, а его паранойя и скверный характер явно превосходили оригинал. Годжо пробыл в его спальне от силы пару секунд. Тот Брюс спал, но стоило Сатору материализоваться, как в него мгновенно полетел бэтарап — острый, угольно-чёрный и смертоносный.

— Жуть какая, — Сатору шутливо показал язык пустоте.

Пока суровый Брюс продирает глаза, Годжо успел незаметно напиться летящее оружие своей проклятой энергией и оставить на нём метку. И не просто метку, а крошечный автопортрет с размашистой припиской: «Вообще-то я твой сын. Ну и жестокий же ты папаша!» — удивительно, как столько букв вообще поместилось на узком лезвии.

Резко проснувшийся Брюс Уэйн в недоумении уставился на бэтарап, который сам же запустил и который теперь послушно вернулся ему в руку. Чуть позже, когда в спальню поспешно вошёл старый дворецкий, Брюс озадаченно спросил:

— Альфред, скажи... у меня когда-нибудь были интрижки с платиновыми блондинками? С теми, у кого волосы белые от природы?

Альфред окинул критическим взглядом полуобнажённого господина и со стоическим спокойствием набросил ему на плечи шёлковый халат.

— Если у вас объявился очередной внебрачный ребёнок, сэр, потрудитесь сначала предупредить молодого господина Дамиана. Полагаю, нам ни к чему планировать внеочередной капитальный ремонт Поместия Уэйнов так скоро.

Удостоившийся привычной порции тонкого сарказма Брюс лишь промолчал.

Впрочем, Сатору, устроивший эту каверзу, ничуть не заботился о душевном равновесии очередного новоявленного родителя. Сейчас его куда больше занимала странная сила, обволакивающая его Безграничность.

С каждым новым скачком сквозь миры неведомый импульс истощался. Глядя на угасающие вспышки аномальной энергии, Сатору протянул руки вперед. Его проклятая сила при поддержке Шести Глаз пришла в бешеное движение.

— Самое время, — прошептал он.

Губы Сатору растянулись в предвкушающей усмешке. Мощным волевым усилием он обрушил шквал собственной проклятой энергии на чужеродный сгусток, зажимая его в тиски.

Годжо слишком долго носил титул сильнейшего, чтобы позволить какой-то пространственной аномалии крутить собой как вздумается. Терпеть подобное пассивное положение он не собирался. Если не получается уничтожить преграду лобовым ударом — значит, нужно её подчинить. Всякий, кто дерзнул посягнуть на его свободу, должен быть готов платить по счетам.

Столкновение проклятой энергии с силой самого пространства-времени всколыхнуло эфир. Дикие всплески исказили реальность, скорость перемещения возросла до предела. Окружающий мир пошёл трещинами, распадаясь на мириады зеркальных осколков. На сознание Годжо обрушился колоссальный массив информации. Даже феноменальный мозг, усиленный Шестью Глазами, едва справлялся с перегрузкой — хаотичный поток координат грозил выжечь разум изнутри.

Последнее, что запечатлелось в памяти перед тем, как сознание погасло: разрыв реальности вытолкнул его в какую-то слепую зону, но ответная атака проклятой энергии силой впихнула его обратно. Внутри его тела бушевала яростная борьба двух начал, кромсающая сами законы времени и пространства.

Сатору опустил взгляд на стоявшего перед ним кареглазого мальчишку. Похоже, именно в момент того безумного коллапса их траектории пересеклись, и ребёнка затащило следом за ним.

Сатору медленно поднялся. Трудно сказать, сколько часов или дней он провёл в этой безвременной пустоте. Он расправил плечи, потянулся; суставы отозвались сухим, отчётливым хрустом. Тело казалось затекшим, мышцы ныли от перенапряжения.

Но...

Сатору взглянул на свои ладони и вдруг запрокинул голову, заливаясь безумным, раскатистым смехом. Эхо его триумфа гулко разнеслось по бескрайнему межпространственному ничто.

Маленький Локи настороженно наблюдал за этим типом. Мальчик всерьёз засомневался в психическом здоровье незваного гостя. Незнакомец хохотал так истошно, что казался ещё более непроходимым тупицей, чем его братец Тор.

Но Сатору не сошёл с ума. Мозг его работал безупречно. Напротив, он давно не испытывал столь чистой, пьянящей эйфории — тело и дух будто переродились, очистившись от прежней усталости. Сила времени и пространства теперь была запечатана прямо в его контуре. Подавив её своей проклятой энергией, он с помощью Шести Глаз методично перекраивал её структуру, подчиняя своей воле. Ещё немного — и этот колоссальный ресурс окончательно станет его собственным инструментом.

Шагнув вперёд, довольный Сатору бесцеремонно взъерошил волосы мальчугана. Шевелюра оказалась мягкой и забавно пушистой. Крупные карие глаза ребёнка напоминали испуганного оленёнка Бемби — живые, ясные, но полные глубокого недоверия.

«Подожди-ка. Оленёнок Бемби?»

Сатору коснулся пальцами подбородка и озадаченно склонил голову набок. Где-то он уже слышал это дурацкое сравнение.

— Кто ты такой?! Чего тебе нужно?! — вновь раздался звонкий, возмущённый выкрик.

В сторону Сатору со свистом полетел клинок, заряженный слабеньким импульсом колдовства. Годжо даже не шелохнулся: и магия, и сталь застыли в нескольких сантиметрах от него, бессильно наткнувшись на барьер Безграничности. Сатору лениво отмахнулся, стряхивая бесполезную игрушку в пустоту.

«А, неважно».

Он присел на корточки, широко расставив колени, небрежно поправил сползшие на кончик носа тёмные очки и осклабился.

— Извини, малец. Не думал, что затяну тебя за компанию. — Он шутливо похлопал паренька по макушке. — Чистая случайность. Но не переживай! Дядя Сатору умеет признавать ошибки, так что я обязательно тебе это компенсирую.

Годжо улыбался так лучезарно и одновременно подозрительно, что в этот миг походил на заправского похитителя детей.

— Локи, — вдруг тихо, но отчётливо произнёс мальчик.

— Чего? — Сатору почесал затылок, не сразу сообразив, к чему это было сказано.

Локи тем временем аккуратно подобрал свой кинжал. Терять его было никак нельзя — он так долго искал именно эту игрушку, чтобы пребольно ткнуть ей Тора при случае. Было бы глупо лишиться столь ценного трофея из-за какого-то сумасшедшего блондина.

— Меня зовут Локи.

Этот странный тип производил впечатление крайне несерьёзного и ненадёжного субъекта, однако юный бог интуитивно чувствовал: вреда тот ему не причинит. От незнакомца не исходило ни капли злобы. Напротив, в глубине его существа теплилось нечто колоссальное, сродни могуществу Всеотца Одина, но без той давящей, удушающей тяжести, от которой у Локи всегда перехватывало дыхание во дворце.

Годжо негромко хмыкнул. Этот мелкий наглец неуловимо напоминал ему самого себя в детстве.

— Сатору Годжо, — легко представился маг, не видя причин скрывать имя. — Раз уж по моей вине ты угодил в эту передрагу, давай загладим вину.

Он поиграл искрами новообретённой пространственной магии на кончиках пальцев. Вдруг его лазурные глаза азартно блеснули. Сатору плавно сдвинул очки на переносицу, открывая взор Шести Глаз. Бездонная, сияющая синева встретилась со сдержанными карими глазами мальчика.

— Эй, Локи, как насчёт того, чтобы заглянуть в будущее? Хочешь узнать, что тебя ждёт? — заговорщицки подмигнул он.

Локи замер.

В его груди шевельнулось сомнение. Будучи принцем Асгарда, он прекрасно знал законы мироздания и цену праздного любопытства.

Поборов искушение узнать собственную судьбу, мальчик качнул головой:

— Если я увижу то, что предначертано, случится временной парадокс. Словно Уроборос из древних мифов, время замкнётся само на себе, породив бесконечную петлю.

Подобные игры с тканью бытия не сулили ничего хорошего, если только исходная нить судьбы уже не оборвалась окончательно. А Локи дорожил своим настоящим.

Сатору разочарованно цыкнул — фокус с соблазнением тайным знанием провалился.

Однако Локи вдруг несмело ухватился за край его куртки. Его карие глаза требовательно

заблестели.

— Своё будущее я знать не желаю. Но... я хочу увидеть настоящее.

Локи не сомневался в любви матери. Но вот каково его место в помыслах Всеотца? И уж тем более — глупого Тора? Заметил ли хоть кто-нибудь, что он пропал? Быть может, Асгард живёт прежней безмятежной жизнью, даже не подозревая о его исчезновении. В конце концов, в чертогах, где воспевали лишь грубую силу да ратную доблесть, он, хилый книгочей и трикстер, всегда оставался чужаком. Разочарованием для Одина, вечной тенью старшего брата.

И всё же... в глубине детской души теплилась робкая, почти несбыточная надежда. Что, если всё иначе?

— Уж не знаю, какая каша варится в твоей голове, — Сатору легко подхватил Локи на руки, словно пушинку. — Но устроить это проще простого. Давай поглядим, чем там заняты твои домашние. Обещаю, нас никто не засечёт.

Локи скептически изогнул бровь, глядя на мага с плохо скрываемым недоверием.

Этот ненормальный хоть понимает, о ком говорит? Кто его семья? Ладно Тор — тот туп как пробка, но Всеотец Один зрит сквозь девять миров. Скрыться от его взора невозможно.

Сатору лишь задорно подмигнул. Одним небрежным взмахом руки он высвободил поток проклятой энергии, спаяв её с остатками пространственной аномалии. Реальность с сухим треском разорвалась, являя сияющий разлом, сотканный из чистых законов мироздания.

Шагнув сквозь границу миров, они преодолели оковы времени и пространства, оказавшись у самых рубежей Золотого царства.

— Как... как тебе это удалось? — Локи во все глаза смотрел на затягивающуюся брешь. У него были догадки насчёт природы сил этого человека, но увидеть, как кто-то без Радужного моста, единым щелчком пальцев открывает прямой проход в Асгард, было выше его понимания.

— Секрет прост: перед тобой великий, гениальный и непревзойдённый Учитель Годжо! — Сатору самодовольно расплылся в улыбке, начисто обделённый всякой скромностью. — Для меня не существует невыполнимых задач!

Локи насупился. Ему претила подобная дурашливость, и он смерил проводника самым тяжёлым взглядом, на какой был способен.

— Ладно тебе, мелкотня, не дуйся, — Сатору шутливо потрепал его по волосам, игнорируя напускную суровость.

— Ещё неизвестно, кто из нас старше, — буркнул мальчик.

Поняв, что этот эксцентричный великан неопасен и к тому же не прочь разделить с ним пару безумных выходок, Локи окончательно расслабился. В его глазах блеснул тот самый озорной огонёк, из-за которого его звали главным нарушителем спокойствия во дворце.

Этот Сатору выглядел как обычный смертный из Мидгарда, чья жизнь угасает за жалкую сотню лет. Асгардианцы же исчисляли свои века тысячелетиями. Кто знает, возможно, этому длинноному наглецу следовало бы называть его «старшим братом».

— Да хоть миллион лет тебе будь, сейчас ты всё равно пухлый карапуз. Так что помалкивай и гляди в оба, — Сатору обхватил Локи покрепче, надёжно зафиксировав его у себя на груди, и осторожно направил его взгляд сквозь мерцающий разлом.

Локи обиженно засопел, попытался вырваться, но быстро сдался. Любопытство пересилило гордость, и он впился глазами в панораму родного Асгарда.

Но вместо привычного покоя, вечного празднества или унылого равнодушия, которое он заранее себе навоображал, Асгард предстал перед ним ошестинившимся оружием. Всё царство словно приготовилось к осаде. На улицах и стенах теснились воины в тяжёлых латах, а сам воздух гудел от колоссального напряжения.

Тончайшие нити невидимого чародейства соткали плотный, вибрирующий купол, накрывший золотые шпили.

Два колоссальных источника силы неустанно прочёсывали каждый уголок пространства.

Знакомая, родная магия.

Фригга и Один.

Они искали его.

Глаза Локи потрясённо округлились.

<http://bllate.org/book/19544/2004521>